

Íróà èç ñ. Áíðèñèèíí
 èãðããò ìà àãøéãìà (òéãé-òà),
 Ìðíóíð èç ñ. Íáàÿ Øàíòàèà —
 ìà ààéãã (ñèðèéèà)

¹ Дулат-Алеев В. Р. Текст национальной культуры: Новоевропейская традиция в татарской музыке. Казань, 1999. С. 16—17.

² Проблема истории науки еще в 1970-е гг. стала предметом специального обсуждения на IV Международном конгрессе финно-угроведов. Ей была посвящена работа подсекции «History of Science», на которой выступили многие известные венгерские и немецкие специалисты: M. Fogarani, F. Szilagyi, Ch. Gläser и др. Как одну из приоритетных задач профессор Геттингенского университета Tibor Kesztyüs выдвигал работу в области создания международных библиографических систем (см. его публикацию: Finno-Ugristik und das Deutsche Bibliothekssystem // Congressus Quartus internationalis Fenno-Ugristarum : Summeries. Budapest, 1975. S. 111). Имеющиеся библиографические списки (в монографиях, диссертациях, статьях) по музыке народов региона дают представление лишь о части литературы, но и они не всегда доступны исследователям. Ценные источники по этномузыковедческой литературе без их выделения в социальные разделы содержатся в ряде трудов международных конгрессов, научных обществ, сборниках статей и материалов конференций, а также в указателях литературы национальных НИИ региона, например: Советское финно-угроведение: 1975—1980 : материалы к V междунар. финно-угор. конгрессу. Турку, 1980. М., 1980 ; Советское финно-угроведение: 1975—1980 : материалы к VI междунар. финно-угор. конгрессу. Сыктывкар, 1985. М., 1985 ; Suomalais-Ugrilaisen Seuran. Julkaisut: 1886—1983. Helsinki, 1983 ; Javori J. Az uráli népek irodalmának bibliográfiája (1975—1994). Szombathei, 1995 ; Публикации и исследования музыкального фольклора финно-угорских народов СССР в Советском Союзе за 1973-1977 гг. // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980 ; Публикации и исследования музыкального фольклора финно-угорских народов СССР в Советском Союзе за 1978—1983 гг. // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986 ; Библиографический указатель научных трудов за 50 лет (1930—1980) / сост. С.С. Присягина. Йошкар-Ола, 1981 ; Систематический указатель к «Запискам» и «Трудам» МНИИЯЛИЭ: 1940—1982 / сост. М. Ф. Жиганов. Саранск, 1982 ; Чувашский фольклор : библиогр. указ. / сост. П. Н. Метин. Чебоксары, 1980 и др. На сегодняшний день капитальными работами, охватившими фольклорную литературу, опубликованную в России, Венгрии, Германии, Финляндии, являются публикации: Володина Т. В.: Библиографический указатель по фольклору хантов (1980—1999 гг.). Томск, 2000 ; Бояркина Л. Б. Хоровая культура Мордовии: Фольклор, традиции, современность : энцикл. справ. / под ред. Н. И. Бояркина. Саранск, 2006.

В современном музыкознании республик Волго-Уральского региона отчетливо выявились две области исследований; одна из них, получившая название «этномузыкология» («этномузыкознание», «музыкальная фольклористика», «музыкальная этнография»), — связана с изучением народной музыки, другая, условно называемая «общее музыкознание» или «академическое музыкознание», — с профессиональным композиторским и исполнительским творчеством. Направления и проблематика современных музыковедческих исследований многообразны, они затрагивают вопросы о генезисе и развитии народной и профессиональной музыки, их связях с другими видами искусств, социальные функции в прошлом и современности, о месте и роли в художественном воспитании и образовании и т. д.

Этномузыкология Волго-Уралья занимает достаточно видное место в российском этномузыкознании. Она «...в решении проблем специфики национально-музыкального заметно опережает академическое музыкознание... опережает не только потому, что специфика национального музыкального творчества является, фактически, основным предметом изучения для этномузыкознания, но и вследствие историко-культурных характеристик самого предмета изучения»¹. Зародившись в первой половине XIX в. в рамках отечественной этнографии, музыкальная фольклористика уже к началу XX столетия стала значительной составной частью краеведения, вышла за пределы российской науки, а исследуемые ею песенные напевы и инструментальные наигрыши в числе музыкальных традиций других народов Евразии явились предметом сравнительных исследований в европейских странах.

За более чем полуторавековой период изучения музыки народов Волго-Уралья сложились методология и методика ее исследований, устойчивые представления о ней, создана обширная литература, насчитывающая многие сотни различных публикаций. Однако большинство работ по истории этномузыкознания региона касаются частных вопросов изучения музы-

Áínàíáéü iïðäíāñēíé řāðíāíé íóçúèè «Āāéāā iïðí» («Çāāíyüāy řāñíy»)

форме отразившей представления о природе и развитии явлений музыкального творчества в разные исторические периоды. Возросшие требования к фактологии и источниковедению науки, необходимость в экспедициях «вести следствие», «отделять закономерное от случайного» (Е. Гиппиус) способствовали совершенствованию не только теоретических, но и эмпирических методов исследований. Наряду с электроакустической записью, интервьюированием этнофоров в практику полевых исследований все чаще включаются анкетирование и эксперимент, позволяющие с достаточно высокой степенью достоверности подтвердить или опровергнуть имеющиеся представления о типичности явлений, их устойчивости в среде традиционных исполнителей, ареалах распространения и т. д.³

Работа по совершенствованию и созданию качественно новой фактологической базы этномузыкологических исследований реализуется в упорядочивании многочисленных материалов в фондах звукозаписей научных национальных институтов, консерваторий, университетов, издании сборников и многотомных антологий. Публикации по коми, татарским, мордовским, чувашским и удмуртским песням⁴ стали значительным вкладом в отечественную и мировую науку. Они способствовали формирова-

нием народной музыки, но и профессионально ориентироваться в вопросах традиционной стихологии, песенной поэтики и в вопросах хореографии»⁶.

Исследования на практике подтвердили перспективность новых методологических подходов, в них определились направления последующей деятельности по изучению традиционного и современного народного песнетворчества. Значительная часть теоретической литературы имеет важное, а в ряде случаев основополагающее значение для понимания специфики фольклорных традиций, в ней подвергнуты анализу наиболее острые проблемы жанрово-стилевого содержания традиционного и современного песнетворчества, его системообразующие доминанты, особенности музыкального мышления и этнокультурного контекста, семантики и обрядовой символики, типологической природы этнических и этнолокальных музыкальных систем и их связей с языками народов региона⁷.

Актуальную и сложную проблему, более полувека привлекающую к себе внимание специалистов, составляет один из объединяющих феноменов музыки народов региона — *пентатоника* (шире — *ангемитоника*). Активные усилия, предпринимаемые отечественными и зарубежными учеными в области изучения этой пробле-

³ В качестве примера можно сослаться на проведение масштабного полевого исследования ареалов распространения народных инструментов в Мордовии в конце 1980 — начале 1990-х гг. с помощью вопросника (Мордовские народные инструменты и инструментальная музыка / сост. Н. И. Бояркин; ред. И. В. Мациевский. Саранск, 1988. С. 52), материалы которого использовались при создании диссертационных исследований, монографий и учебных пособий.

⁴ См. некоторые из них: Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни: [в 3 вып.]. Сыктывкар, 1966—1971 (3-й вып. в соавт. с Рочевым Ю. Г.), повторное издание вышло в 1990-е гг.; Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни. М., 1970; Его же: Татар халык жырлары. Казань, 1976; Его же: Татарские народные песни. Казань, 1984; Памятники мордовского народного музыкального искусства: в 3 т. / сост. Н. И. Бояркин; под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск, 1981—1988; Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология / авт.-сост.: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова и др. Самара, 2001 (опубликованы нотации звукозаписей М. И. Чувашева); Песни низовых чувашей: В 2 кн. / Сост. М. Г. Кондратьев. Чебоксары, 1981—1982; Песни средненизовых чувашей / сост. М. Г. Кондратьев. Чебоксары, 1993; Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1989; Удмуртский фольклор: Ижевск, 1991; Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов: Вып. 1. Ижевск, 1992; Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов. Вып. 2. 1999; Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов. Вып. 1, 1996; Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов: Вып. 1. 1995; Вып. 2, 2004.

⁵ Прежде всего имеются в виду публикации нотаций магнитофонных экспедиционных записей 1958—1979 гг. L. Vikar'a и G. Bereczki в Будапеште: Cheremis Folksongs, 1971; Chuvash Folksongs, 1979; Votyak Folksongs, 1989; Tatar Folksongs, 1999, а также малоизвестное для российского читателя сравнительное исследование I. Saastamoinen'a «Kansat soittavat: Alkumusiiikin Idhteilla» (Helsinki, 1985), содержащее среди 143 типических образцов музыки народов мира и значительное количество песен народов Волго-Уральского региона из разных источников, в том числе расшифровок звукозаписей, изданных на грампластинках фирмой «Мелодия».

⁶ Цит. по стенограмме доклада Е. В. Гиппиуса «Проблемы собирания и изучения традиционного и современного песенного искусства и инструментальной музыки народов Поволжья», прозвучавшего на научной конференции Союза композиторов РСФСР «Взаимосвязи традиционного музыкального искусства народов Поволжья» (Чебоксары, 24—27 марта 1975 г.).

⁷ См. работы М. Н. Нигмедзянова (Народные песни волжских татар. М., 1982; Татарская народная музыка. Казань, 2003), Н. И. Бояркина (Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983), Л. Б. Бояркиной (Песенное искусство зрянских переселенцев Заволжья // Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 3. Саранск, 1988), М. Г. Кондратьева (О ритме чувашской народной песни: К проблеме количественности в народной музыке. М., 1990; Чувашская Савра Юрә и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993), И. М. Нуриевой (Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999), М. Г. Хрущевой (Удмуртская обрядовая песенность. М., 2001), Н. Ю. Альмеевой (Жанровая система и этномузыкальный диалект: К проблеме классификации явлений татарской музыки устной традиции // Искусство устной традиции. Историческая морфология: сб. ст. СПб., 2002; О музыкальном воплощении татарского байта (введение в изучение проблем) // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002; Песенная традиция пестречинских крышен (бассейн реки Мечи) // Там же), З. Н. Сайдашевой (Песенная культура татар Волго-Камья: Эволюция жанрово-стилевых норм в контексте национальной истории. Казань, 2002), а также неопубликованные диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения Э. Р. Каюмовой (Татарская народно-песенная культура нового времени: Проблемы традиционного мышления и жанровой атрибуции. СПб., 2004), С. В. Ильиной (Ритмические основы традиционного песенного творчества волжских татар и чувашей: к проблеме формульности. Чебоксары, 2004).

нию новых направлений в современной финно-угристане и тюркологии, послужили прочной базой сравнительных исследований как для российских этномузыковедов, так и для ученых Венгрии, Финляндии, Эстонии, Бельгии, Германии — стран, где финно-угорско-тюрко-славянская проблематика традиционно являлась одним из важных направлений музыкальной компаративистики⁵.

Новая фактологическая база во многом определила в целом высокий уровень теоретического осмысления проблем, аргументированность научных выводов и заключений. *Появилась разнообразная по жанрам и видам качественно новая этномузыковедческая литература*, насчитывающая в наши дни сотни публикаций — монографий, статей, сборников трудов, предисловий к нотным изданиям. Важно то, что она преимущественно *принадлежит полевым исследователям*, постигавшим фольклорную традицию «изнутри», в самой народной среде живого ее функционирования. Иначе говоря, в республиках сложился *новый тип исследователей*, обладающих глубокими знаниями полевого материала и современной теории, в том числе смежных областей науки. Во многом реализованными оказались пожелания Е. В. Гиппиуса, высказанные им на одной из первых конференций, посвященных проблемам собирания и изучения музыки народов Волго-Уральского региона, о том, что «в идеале каждый музыковед-фольклорист должен не только заниматься изуче-

ное отличие религии от науки), положения о пентатонике, высказанные в статье, по существу, ни доказать, ни опровергнуть не представляется возможным, поскольку они не могут быть проверены наукой. Автор, собственно, и не приводит каких-либо доказательств, например, того, что «интенсивное обогащение пентатонного языка полутоновыми интонациями в творчестве татарских композиторов XX столетия» согласуется с антропософским учением¹⁶.

Коренной перелом в изучении песнетворчества народов Волго-Уралья этномузыкологами был сопряжен в основном с преодолением малоэффективных для исследования народной музыки методологических подходов, распространенных в этномузыкознании региона в ранние периоды его развития. Один из них заключался в императивном влиянии литературоведения на исследование жанра народной песни, ее стихосложения, в объяснении поэтики сквозь призму идейно-тематических особенностей текстов. Пришло понимание того, что народная песня являет собой исторически сложившуюся иерархическую систему музыкальных и поэтических структурных компонентов, обнаруживающих различные формы взаимосвязей и корреляций, и элементы литературоведческого анализа могут быть применимы в ограниченных пределах в совокупности с иными подходами.

Другим ценным завоеванием в методологии исследований конца прошлого столетия стало преодоление европоцентристского подхода к анализу музыкального строя народных песен, более научно обоснованное оперирование понятийным фондом европейского музыкознания, выработанным в процессе научного постижения иной по своей природе музыкальной традиции (западно-европейской композиторской музыки последних трех-четырёх столетий), нежели народная музыка (особенно восточно-европейская).

«Молодым» направлением этномузыкознания региона является *исследование традиционного многоголосия*. До последнего времени исключение составляло лишь многоголосие мордовской народной песни, которое еще в 1914 г. достаточно полно и квалифицированно было записано фонографным способом, а затем запечатлено известным финским этномузыкологом А. О. Вьяйсяненем в капитальном труде «Mordwinische Melodien» (Helsinki, 1948). Образцы мордовских напевов, опубликованные ранее М. Е. Евсевьевым, А. А. Шахматовым, Л. П. Кирюковым, хотя и содержали многоголосные элементы, но, поскольку были записаны слуховым методом, могли вызвать сомнение. Если большинство тех, кто был знаком с мордовской музыкой, имели представление о наличии в ней многоголосия (правда, часто объясняемого заимствованием у русских, о чем без какой-либо аргументации высказал предположение Вьяйсянен), то о многоголосных формах у других финно-угров и тюрков региона вообще речь не шла.

Экспедиционная деятельность и включение в область исследований традиционной инструментальной музыки «опрокинули» устоявшиеся мнения о сугубо монодийной природе музыки народов региона. В наши дни становится очевидным, по крайней мере для занимающихся музыкой региона отечественных ученых, что в певческом и инструментальном многоголосии народы Волго-Уралья обнаружили свою самобытность и самостоятельность, что они имеют стадильно различные многоголосные формы, типы исторически сложившихся мелодико-многоголосных систем, в тех или иных корреляциях соотносимых с формами монодийного интонирования как внутри одного этноса, так и в целом у народов региона. Об этом убедительно свидетельствуют и новейшие многоканальные записи, партитурные транскрипции мордовских, башкирских, коми, удмуртских и татаро-кряшенских песен¹⁷.

Приоритетной проблемой современного этномузыкознания Волго-Уралья является *изучение исторических взаимосвязей* традиционного музыкального творчества финно-угорских, тюркских и русского народов. Долгое время эти взаимосвязи рассматривались односторонне; наблюдаемые в культурах сходные элементы объяснялись влиянием культуры титульной нации на творчество народов региона. Важную роль в смене научной парадигмы в осмыслении проблемы сыграли труды отечественных этномузыкологов, и прежде всего

⁸ Материалы конференций, проведенных Казанской консерваторией с интервалом в 20 лет (1957, 1973, 1993), весьма наглядно отражают историю формирования научного интереса не только к данной проблеме, но и в целом к изучению народной музыки региона, методам ее использования в композиторском творчестве.

⁹ В числе значимых трудов по пентатонике народов региона — очерки В. М. Беляева 1950-х гг. «Татарская музыка», «Башкирская музыка» и его капитальная монография «Ладовые системы в музыке народов СССР» (В. М. Беляев: 1888—1968 / сост. А. В. Беляев; ред.-сост. И. К. Травина. М., 1990), оказавшие огромное влияние на последующее изучение проблемы, особенно в плане ее объяснения с точки зрения теории эволюции. См. также: Гиршман Я. Пентатоника и ее развитие в татарской музыке. М., 1960; Исхакова-Вамба Р. Ангемитоника как музыкальная система. М., 1990; Сураев-Королев Г. И. Многоголосие и ладовое строение мордовской народной песни (мордовская многоголосная пентатоника) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Сер. филологическая. Саранск, 1964. Вып. 26 и др.

¹⁰ Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры. Казань, 1995. С. 5.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Назовем лишь одну из огромного числа публикаций — многочисленные книги С. Н. Лазарева «Диагностика кармы» (СПб., 1995—2003).

¹³ Моносыпов Ш. Х. Пентатоника в свете антропософии // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ См.: Евгений (Березиков Е. Е.). Космическое сознание: Новая шестая раса людей. М., 1996.

¹⁶ Моносыпов Ш. Х. Пентатоника в свете антропософии. С. 19.

¹⁷ К настоящему времени этномузыковедческая литература (нотные издания, статьи, тезисы) о многоголосии народов региона насчитывает значительное число работ. Назовем некоторые из них: Альмеева Н. Ю. Песенная культура татар-кряшен: Жанровая система и многоголосие: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1986; Ее же: Гетерофонная фактура (Опыт анализа архаического многоголосного пения татар-кряшен) // Судьбы традиционной культуры: сб. ст. СПб., 1998; Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции: учеб. пособие. Саранск, 2004; Его же. Types of Mordvinian instrumental folk music // Folk Belief Today. Tartu, 1995; Его же. Mordvalaiset // Kansanmusiikki. 1990. №3 (Finland); Бояркина Л. Б. Гетерофония календарных и семейно-обрядовых эрзя-мордовских народных песен // Музыка в обрядовой и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986; Ее же. Вокальная диафония эрзянской свадьбы // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллинн, 1986; Герасимов

О. М. Жанровая и региональная обусловленность многоголосия мари // *Вопр. нар. многоголосия*. Тбилиси, 1988 ; Мамаева М. Н. Полифония в марийской музыке (в аспекте взаимодействия фольклорной традиции и профессионального творчества): дис. ... канд. искусствоведения. М., 1996 ; Нуриева И. М. Удмуртский фольклор: Песни завятских удмуртов. Ижевск, 2004. Вып. 2. (Удмурт. фольклор).

Значительное число работ посвящено межэтническим связям: Альмеева Н. Ю. Квинто-квартетная фактура (Один из типов многоголосия у татар-кряшен и его аналоги у народов средневожского региона) // *Вопр. нар. многоголосия*. Тбилиси, 1988 ; Ананичева Т., Суханова Л. Песенные традиции Поволжья. М., 1991 ; Бояркина Л. Б. К проблеме изучения мордовского субстрата в русской музыке // *Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях*. Ижевск, 2002 ; Земцовский И. И. Музыка устной традиции мордвы : Памятники и проблемы // *Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов*: тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1986. Вып. 86 ; Лобанов М. А. Контрастная полифония в мордовско-эрзянских свадебных причитаниях // *Фольклор и современная духовная культура финно-угров*. Саранск, 1993 ; Рюйтел И. Исторические пласты эстонской народной песни в контексте этнических отношений. Таллинн, 1994.

Проблематика традиционного многоголосия народов Волго-Уральского региона и его взаимосвязей нашла широкое обсуждение на специальных научных конференциях в Воронеже (Песенное многоголосие народов России : тез. докл. М., 1989 ; см. тез. Т. Ананичевой, Н. Гиляровой — русско-мордовские связи, Н. Бояркина — мордовско-финно-угорские связи, Н. Жулановой, Л. Шипицыной — коми-пермяки, Р. Чураковой, Е. Бойковой — удмурты, Х. Ихтисамова — тюркские народы), а также в Таллинне (Soome-ugrilaste vokaalne mitmehäälsus slaavi ja balti rahvaste muusikakultuuri kontekstis. Tallinn, 2004 ; см. тез. Н. Альмеевой, Н. Бояркина, Л. Бояркиной, И. Нуриевой, муз. выступления с научными комментариями Е. Hartikainen, M. Kall-berg, A. Koht-Rahtola, S. Kosonen, A.-K. Liedes).

Из новейших нотных публикаций см. сб. «100 песен и инструментальных наигрышей народов России» (М., 2004), в котором представлены транскрипции певческого многоголосия мордвы — Н. и Л. Бояркины, башкирское горловое пение с кураем — Х. Ихтисамов, гетерофония марийцев — О. Герасимов, коми-пермяцкое многоголосие (с русским текстом, инструментальное многоголосие на дудках пöлян, тип флейты Пана) — Н. Жуланова, удмуртское — Е. Бойкова, чувашское совместное пение — М. Кондра-тьева.

мы (только в Казани ей были посвящены три конференции⁸, опубликованы монографии и статьи⁹), позволяют говорить о ряде существенных закономерностей указанного феномена, а именно: его широчайшем распространении и многообразии форм проявления в музыке народов, исторически сложившейся модальной системе в ряду других ладов (диатоника, миксодиатоника, геммолика, хроматика, экмелика и т. п.), структурно-типологических особенностях ангемитоники и их связи с исполнительскими формами вокального и инструментального интонирования.

Вместе с тем различный уровень изученности культур региона, многообразие этнических, субэтнических, ареальных традиций, целей и исследовательских подходов (в их числе — до конца не изжитая при анализе пентатоники европоцентристская теория музыки, а также подходы, неорганично заимствованные из смежных наук — этнологии, философии и др.) не позволили разработать результативный метод исследования проблемы, прийти к однозначным, неоспоримым выводам по целому ряду вопросов. Как следствие этого, одним из центральных нерешенных вопросов пентатоники, выявившимся уже в период формирования интереса к ней как к научной проблеме, остается вопрос ее генезиса.

В этом отношении весьма показательны материалы межреспубликанской научной конференции (1993 г.), опубликованные в сборнике «Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры» (Казань, 1995), в котором наряду с музыковедческими аспектами изучения проблемы, затрагивающими теорию и историю пентатоники в многообразных связях с иными формами музыкального мышления в широких контекстах межэтнического взаимодействия, представлены и нетрадиционные для музыковедения региона философские, эстетические и культурологические подходы исследований. В сборнике содержится ряд интересных положений, которые весьма неоднозначно трактуют явление. Так, по мнению Ю. Н. Холопова, пентатонику «следует трактовать как всеобщую необходимую ступень развития»¹⁰. И. М. Жордания не исключает, что возникновение ангемитоники как системы, отличной от столь же самостоятельной гемитоники, могло быть каким-то образом связано с тоновыми языками. Р. А. Исакова-Вамба считает, что ангемитоника вообще «не есть отдельная обособленная область музыкального мышления. Она — одна из сторон этого мышления»¹¹.

Очевидно, больше всего вопросов у музыковедов может вызвать объяснение генезиса явления, предложенное Ш. Х. Монасыповым в статье «Пентатоника в свете антропософии». Автор переносит проблематику в область, далекую от традиционного музыковедения, — мистико-философской («тайноведческой») доктрины, возникшей в западной философии в первой четверти XX в., а в постперестроечное время в России и странах Содружества оказавшей заметное влияние на нетрадиционную медицину, сенсористику и парапсихологию¹².

Согласно учению антропософистов (Р. Штейнер, В. Вюнш, А. Хузemann) музыкальное искусство возникло не столько в результате «подражания человека звукам природы» (главное положение концепции К. Шторка), «сколько в связи с взаимодействием его с космическими вибрациями, звучаниями»¹³. Кратко коснувшись истории вопроса, излагаемой в трудах антропософистов («овладение семиступенными ладами», эпохи «кварты», «терции», «секунды»; как известно, нечто подобное уже было в музыковедении), автор отмечает: «Правильно осмысленная, преодолевающая «тяжесть» секундовых тяготений, человеческая душа получит возможность вновь обрести пентатонное настроение незамкнутости. <...> Таким образом, будет открыта новая эра в ладовом мышлении»¹⁴. Подобные идеи, высказываемые в статье, находят в русле мистических представлений, которые получили в последние годы широкий выход в массовую религиозно-философскую литературу. В соответствии с одними из таких представлений современное человечество стоит на пороге новой, шестой, расы, в которую смогут войти только избранные, возвысив свое астральное и ограничив, «принизив» физическое тело¹⁵. Как и догматы любой религии, оперирующей в познании верой, а не научной логикой (в этом — кардиналь-

Е.В. Гиппиуса, И.И. Земцовского, М. А. Лобанова, И.В. Мациевского, а также их учеников и последователей, занимавшихся изучением русской музыкальной культуры и часто касавшихся проблем ее взаимосвязей с музыкой финно-угорских и тюркских народов¹⁸. Однако серьезно эта проблема только начинает подниматься музыковедами региона. Несоизмеримо больших успехов в ее изучении достигли фольклористы-филологи и этнографы (последние особенно в области материальной культуры).

Одна из основных причин того, что вопросы финно-угорско-славянских и тюркско-славянских этномузыкальных отношений не нашли должного научного освещения, заключается в слабой изученности традиционной русской музыки региона. Публикации полевых материалов и теоретических исследований¹⁹ касаются преимущественно отдельных жанрово-стилевых видов народно-песенных традиций и не дают целостного представления о русской музыке региона, о процессах, происходящих в ней в наши дни. Трудности изучения проблемы объясняются не только малым числом специалистов, спорадически занимающихся ею, и огромной территорией, подлежащей полемому обследованию, но и необычайно пестрой картиной русских традиций. С одной стороны, они сохранили многие элементы музыкальных традиций других ареалов расселения русского народа (историки отмечают несколько волн колонизации региона), а с другой — «культура народов Поволжья — в разных зонах по-разному — оказала существенное воздействие на культуру и быт русского населения»²⁰. Продвижение музыковедческих, да и в целом историко-этнологических исследований в немалой степени затруднено и тем, что в регионе интенсивно проходили процессы ассимиляции (замеченные еще В.О. Ключевским), в связи с чем в наши дни не всегда просто бывает определить национальный состав русских сел — в них проживают коренные русские, обрусевшие иные народы (например, мордва) или те и другие (в ряде русских сел Мордовии, Пензенской, Тамбовской и других областей жители и ныне различают «русские концы» и «мордовские концы»).

Одним из перспективных направлений, заявившим о себе созданием серии трудов по финно-угорским и тюркским народам, стала *этноорганология*. Предмет ее исследований — музыкальные инструменты и инструментальная музыка, фактологическая база — звукозаписи и нотации произведений, инструменты (как продукт материальной культуры), многообразные полевые сведения об использовании инструментов в быту, историко-этнографическая и искусствоведческая литература (в том числе древние рукописные памятники), материалы, хранящиеся в отечественных и зарубежных архивных и музейных фондах. Этноорганология народов региона нашла освещение в монографических публикациях и диссертационных исследованиях Р. Ф. Зелинского²¹ (башкиры), П. И. Чисталева²² (коми), Н.И. Бояркина²³ (мордва), О. М. Герасимова²⁴ (мари), Д.А. Абдулнасыровой²⁵, Г. М. Макарова²⁶, Р. Ф. Халитова²⁷ (татары). Отдельные вопросы по народному инструментарию и инструментальной музыке рассматриваются в статьях других ученых — В. А. Альбинского, В. М. Газетова, А. М. Карпова, В.И. Колмыкова, В. В. Кошелева, Н. А. Красовской, Ш.П. Монасыпова, М.Н. Нигмедзянова, Б. И. Рабиновича, В.С. Чернова, И.Г. Шабердина, Ф.В. Эшмяковой и др. Некоторые работы посвящены проблемам сходств и различий в инструментальных культурах народов региона; наиболее крупная из них — сравнительное историко-этнографическое описание В.И. Яковлева²⁸.

Как одно из перспективных научных направлений современного этномузыкального знания в рамках этноорганологии в последние десятилетия выделилась *музыкальная археология*. Она на тысячелетия раздвинула хронологические рамки фактологической базы, обогатила ее материальными источниками — инструментами и музыкальными орудиями древности. Это направление более всего связано с исследованиями Н. И. Бояркина²⁹ музыкальных орудий и инструментов из древнемордовских памятников и памятников финноволжской общности, а также из раскопок городецкой, дьяковской и фатьяновской

- ¹⁸ См., например: Гиппиус Е. В. Сборники русских народных песен М. А. Балакирева // Балакирев М. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / ред., предисл., исслед. и прим. Е. В. Гиппиуса. М., 1957; Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975; Его же. О значении угро-финского фольклора для исследования славянской народной музыки // Музыкальный фольклор финно-угорских народов и их этномызыкальные связи с другими народами: тез. докл. Таллинн, 1976; Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). М., 1995; Старостина Т. А. К проблеме многосоставности высотной структуры: на примерах архаического многоголосия и музыки позднего Стравинского // И. Ф. Стравинский: сб. ст. М., 1997.
- ¹⁹ Из наиболее крупных трудов, посвященных русским фольклорным традициям Волго-Уралья, а также их взаимосвязям с традициями финно-угорских народов, назовем работы: Енговатова М. Е. Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра: дис. ... канд. искусствоведения. М., 1989; Ее же. Протяжные песни Ульяновского Заволжья. М., 1981. (Из коллекции фольклориста); Гилярова Н. Н. Новогодние поздравительные песни Рязанской области. М., 1985. (Из коллекции фольклориста); Нижегородская свадьба: Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край / изд. подгот.: М. А. Лобанов, К. Е. Корелова, А. Ф. Некрылова. СПб., 1998; Предания и песни Болдинской старины / изд. подгот.: Ю. Левитина, И. Сидорова, Л. Доронина, М. Лобанов. Горький, 1972; Яхонтова Е. С. Музыкальный быт современного русского села (на материале одной локальной традиции Поволжья): дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1985; Бояркина Л. Б. Эрзя-мордовское народное песенное искусство Среднего Заволжья и его взаимосвязи с традиционной русской песней: дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1985; Шергина А. А. Национальное своеобразие коми народной песенности в сравнении с русским музыкальным фольклором. Сыктывкар, 1984 (Научные доклады. Вып. 106); Образцы народного многоголосия / Сост., общ. ред. и предисл. И. Земцовского. М.; Л., 1972;
- Кроме публикаций указанных авторов, ряд статей по проблеме принадлежит В. А. Альбинскому, М. Б. Чернышевой, П. И. Чисталеву, С. В. Стародубцевой, Т. А. Старостиной, Т. М. Ананичевой, Н. Д. Бордюг, М. И. Родителевой, Н. М. Савельевой и др.
- ²⁰ Пименов В. В., Кузеев Р. Г. Введение // Народы Поволжья и Приуралья: ист.-этногр. очерки. М., 1985. С. 8.
- ²¹ Зелинский Р. Ф. Композиционные закономерности башкирских программных инструментальных кюев: дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1977.
- ²² Чисталев П. И. Коми народное музыкальное инструменты. Сыктывкар, 1984.
- ²³ Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983; Его же. Феномен традиционного инструментального многоголосия (на материале мордовской музыки): дис. ... д-ра искусств. СПб., 1995; Его же. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции: учеб. пособие. Саранск, 2004. Ч. 1.
- ²⁴ Яковлев В. И. Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья: ист.-этногр. исслед. Казань, 2001.
- ²⁵ Халитов Р. Ф. Татарские народные музыкальные инструменты: дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1987.
- ²⁶ Герасимов О. М. Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола, 1996.
- ²⁷ Абдулнасырова Д. А. Татарская народная скрипичная традиция: Модус культуры и музыкальный феномен: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2000.
- ²⁸ Макаров Г. М. Традиционные аэрофоны татар Волго-Камья (Проблемы генезиса и исторической реконструкции): дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 2004.
- ²⁹ См. некоторые его работы: Мордовская инструментальная сигнальная музыка // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986; О некоторых принципах изучения музыкальных инструментов из археологических памятников волжских финнов // Проблемы этногенеза народов Волжско-Камского региона в свете данных фольклористики. Астрахань, 1989; Политембровые комплексы музыкальных инструментов в искусстве древности // Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции. Саранск, 2004. Ч. 1.
- ³⁰ Паасонен Х. О так называемых иранских словах в мордовском языке // Известия ОАИЭ при Казанском ун-те. Казань, 1893. Т. 2, вып. 2; Paasonen H. Zur frage von der urverwandschaft der finnisch-ugrischen und indoeuropäischen sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen, 1907. Bd. 7. Heft 1—3.

культур, с которыми финно-угры имели генетические и тесные историко-культурные связи. Изучение археологических памятников позволило выявить не только сами инструменты, но и, что особенно важно, их политембровые комплексы в системе синкретического искусства, создавшие предпосылки для появления этнически детерминированных исполнительских форм и темброидеалов, реликты которых обнаруживаются в современной народной музыке, а также, например, в мордовском, чувашском, крышено-татарском диалектах. Удалось установить, что финно-угорские субстраты звуковых орудий, перекрывающие этнические и региональные особенности, образуют развитую органофоническую систему в синкретических комплексах древнего искусства, уходят корнями собственно в прафинно-угорскую общность и растворяются в стихии различных этнических смещений в культуре Поволжья, Приуралья и Среднего Дона.

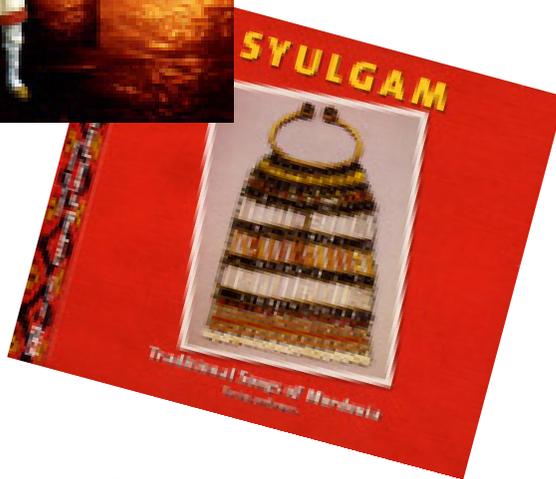
Данная проблематика в последнее время начинает разрабатываться и на лингвистических материалах. Назовем лишь одну из последних работ, а именно диссертацию Г. М. Макарова, в которой весьма тщательно анализу подвергнуты некоторые субстраты индоиранских музыкальных традиций в культуре народов региона, в частности татар, мордвы, чувашей; тем самым на новом материале подтверждены положения, выдвинутые на рубеже XIX—XX вв. известным финским исследователем Х. Паасоненом, об индоиранских реликтах в языках народов края³⁰.

Интерес к изучению субстратов древних цивилизаций Востока в культуре народов Волго-Уралья проявили и многие современные европейские ученые. Весьма ярким свидетельством тому может служить осуществленный чуть более десяти лет назад французскими исследователями — музыковедом Ф. Грюнд и этнографом Ш. Кацнадаром — в рамках программы ЮНЕСКО «По шелковому пути» цикл лекций ученых нашего региона в Бельгии, Германии, Франции, Швейцарии, Голландии и других странах Европы. Лекции сопровождались концертами народных исполнителей из Башкирии, Республики Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии.

Исследования последних десятилетий заметно повлияли на сложившиеся под влиянием М. Буха, Р. Лаха, Н. С. Трубецкого, П. Панова, А. Вяйсянена, А. Хямляйна³¹ и более поздних авторов, например Л. Викара³², первоначальные, долго господствовавшие в западной музыкальной компаративистике, не во всем точные представления о музыке народов Волго-Уралья. Начался пересмотр некоторых,

Αἰῶνιὰ ἐὺ ἰδῶι ἀνῆέ
 ἰόσυέ ἐ «Ὀἰδὰ ἰ».
 Ἐῤῥᾶ ἰῆᾶ Finlandia
 Records.

казалось бы, вполне устойчивых выводов, таких, как представления о сугубо монодийной природе финно-угорских и тюркских традиций, о субстратах в них славянских элементов, о характере тюрко-финских взаимодействий. Облик наших культур в современной западной компаративистике (A. Asplund, H. Boone, E. Emsheimer, L. Felföldi, U. Kolk, K. Lásar, A. Lintrop, I. Rützel, I. Saastamoinen, I. Sarv, E. Schmidt, P. Szöke, Gy. Szomjas-Schiffert, L. Vikar, V. Voigt и мн. др.) все более и более предстает как спонтанно сложившийся многосоставный историко-стилевой комплекс, обладающий внутренней целостностью³³. Исследования в этом направлении кажутся весьма перспективными; этномузыкологи предлагают новейшие методы и методики, ведут поиски нового терминологического аппарата для определения в целом специфики феномена музыкальных культур региона. В этом плане представляются интересными предлагаемые Н. Ю. Альмеевой и М. И. Кондратьевым в качестве аналитических дефиниций понятия «Средневожская цивилизация»³⁴ и «Волго-Уральская музыкальная цивилизация»³⁵. Действительно, «при естественных различиях тюркских и финно-угорских культур Волго-Уральского региона обнаруживается единый срез, который делает их явлениями одного порядка»³⁶.

Разработка вопросов теории и истории народной музыки имеет неоспоримое значение не только для понимания ее природы, общественных функций и эстетики, но и для изучения многообразных проблем профессиональной музыкальной культуры, региональных композиторских школ, специфики выразительных средств, творческого метода композиторов, исполнительского, в том числе массового самодеятельного (любительского), искусства. В изучении своего предмета академическое музыкознание

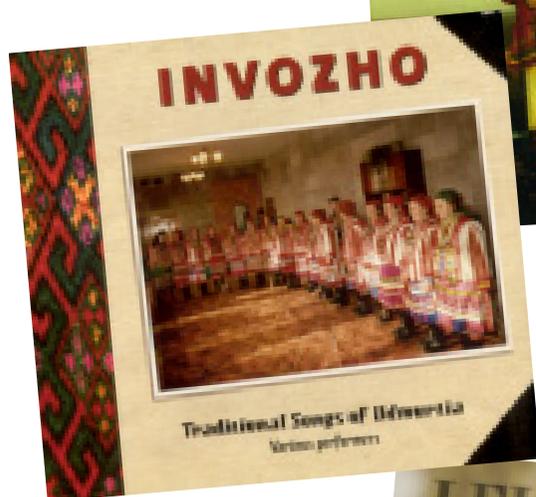
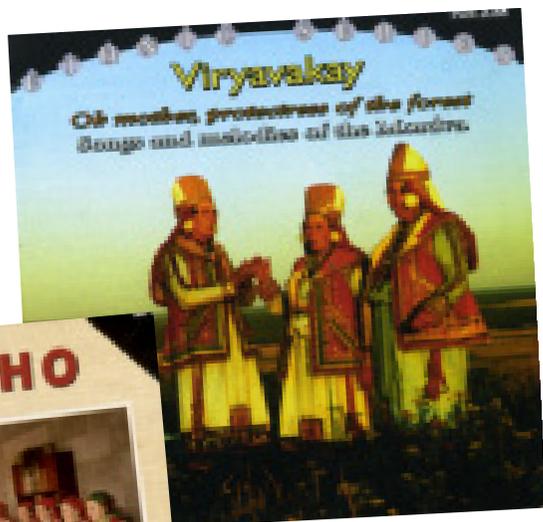
республик Волго-Уралья как исторически относительно молодая область искусствознания унаследовало в целом методологию исследований отечественной — русской и многонациональной советской — науки, а через нее и концептуальные подходы европейской музыкальной теории конца XIX — начала XX в., включающей в себя учение о гармонии, полифонии, музыкальной форме, метро-ритме и т. д.

Вместе с тем современное музыкознание региона вбирает в себя и методологию анализа, выработанную этномузыкологией (учение о ладе, ритмической типологии, фактуре). Это вполне закономерно и объяснимо при исследовании стилистики композиторских сочинений, в той или иной степени обусловленной традиционным народным мелосом и не всегда поддающейся объяснению при использовании инструментария и теоретических подходов, выработанных на основе анализа европейской профессиональной музыки последних столетий. Надо полагать, что влияние этномузыкологии на методологию исследований профессиональной музыки региона будет возрастать по мере изучения структурно-типологических особенностей народной музыки, их отражения в композиторском творчестве.

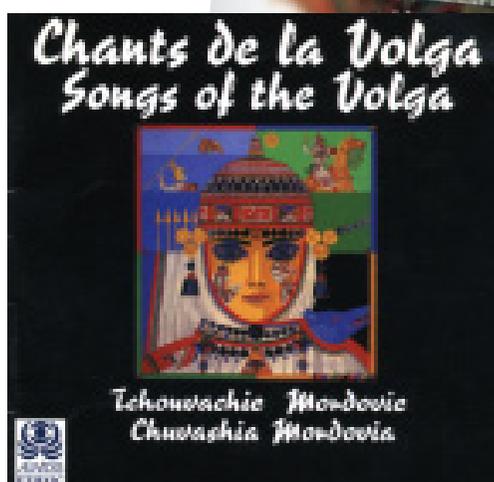
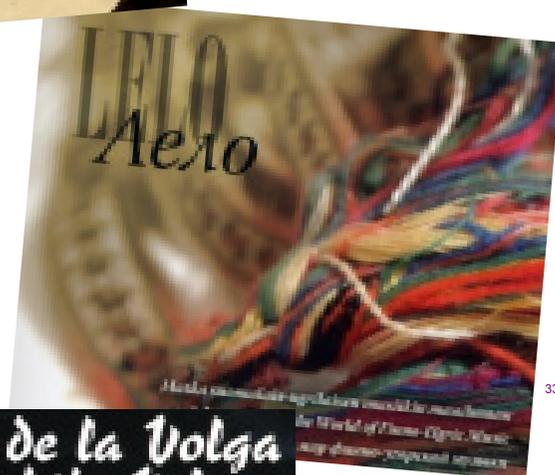
Итак, современная этномузыкология Поволжья и Приуралья — составная часть отечественного и мирового музыкознания, сложное и динамично развивающееся явление, имеющее свои приоритеты, историю, предмет, проблематику и направления исследований. Специфика изучения ее *истории* — формирования и развития, анализа общего и специфического (того, что выделяет музыкознание региона) — в значительной мере обуславливается предметом исследования, а именно традиционной музыкой народов региона, сложившейся в одной из сложных контактных зон Евразии, где, с одной стороны, сильны корневые основы финно-угорской и тюркской древности, а с другой — столь же сильны диффузийные элементы, возникшие в Средневековье и более позднее время в процессе многообразных смещений и контактов; а также профессиональной музыкальной культурой, сформировавшейся на основе сложноорганизованной этнической, субэтнической и диалектной мозаичности музыкальных традиций, развивающейся на данной основе и до сих пор испытывающей императивное влияние этих традиций.

Ключевые слова: этномузыкология, этноорганология, фактология, жанр, структура, лад, многоголосие, взаимосвязи.

İđäiäñëää İaðiäiüä İäñie è
 éíñòðóíáíòàèüüä İàèäðúøè.
 Èçäiäèä Pan Records
 (Áíèèäíäèy).

Èaðäèüñëää, İaðèéñëää,
 óäiódòñëää, İđäiäñëää,
 òèíñëää, èíäððíäí-èäíñëää
 è ýñòííñëää İaðiäiüä İäñie à
 èñííèíäíèè òèíñèíäí äíñàíäèy
 «Èä-èí». Èçäiäèä Àèäääíèè
 Ñèääèèòñà (Òäèüñèèèè).

×óààðñëää è İđäiäñëää İaðiäiüä İäñie. Èçäiäèä Auvidis
 France (Òðäíöèy).

³¹ Речь главным образом идет о следующих работах: Buch M. Die Wotjaken. Eine ethnologische Studie. 2. Ausg. Helsingfors, 1882; Wichmann Y. Wotjakische sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893; Pannoff P. Phonographierte wotjakische, permiakische und tatarische Lieder // Zeitschrift für Musikwissenschaft, 1929. 11 Jahrgang. August — September; Lach R. Vorläufiger Bericht über die im Auftrage der Kais // Akademia der Wissenschaften erfolgte Aufnahme der Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917. Wien, 1918; Idem. Die Musik der turk-tatarischen, finnisch-ugrischen und Psychologischen Bedeutung für die Entstehung der musikalischen Formen (Mitteil, der Anthropol. Ges.). Vol. 50. Wien, 1920; Idem. Gesänge russischer Kriegsgefangener. Bd. I. Wien; Leipzig, 1926; Idem. Gesänge russischer Kriegsgefangener. Bd. I. 2. Abteilung. Wien; Leipzig, 1933; Härmäläinen A. Das kultische Wachsfeuer der Mordwinen und Tscheremissen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1936—1937. Os. XLVIII; Krohn J. Melodien der Permier // Ibed; Väisänen A. O. Das Zupfinstrument Gusli bei den Volgavölkern // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 1928. Os. LVIII; Idem. Wogulische und ostjakische Melodien / Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K. F. Karjalainen. Helsinki, 1937; Idem. Mordwinische Melodien. Helsinki, 1948.

³² Крупнейший венгерский исследователь музыки финно-угорских и тюркских народов Волго-Уралья Л. Викар, в частности, считает, что «старая самобытная угро-финская музыка не знала полифонии» (см. об этом его многочисленные, но по существу не подтвержденные научным анализом высказывания, содержащиеся в статье к его систематике Archaic Types of Finno-Ugrian Melody // Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. 14). По мнению И. М. Нуриевой, в этих утверждениях «определенную роль сыграл и психологический фактор: неприятие развитого многоголосия с позиции строго унисонной венгерской традиционной культуры» (Нуриева И. М. Удмуртские песни в записи Ласло Викара // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С. 318).

³³ Свидетельством этого могут служить публикации по Волго-Уральскому региону большого числа авторов, участников VIII Международного финно-угорского конгресса: Summaria acraasium in sectionibus et symposiis factarum. Juväskylä (Finland), 1995. Pt. II. (Раздел В: Этнология и фольклор. С. 161—245).

³⁴ Кажется, впервые Н. Ю. Альмеева употребила данное понятие в ст.: Проблемы музыкального фольклора татар-кряшен // Artes Populares. Budapest, 1985. № 14. С. 134.

³⁵ Кондратьев М. Г. Музыкальная культура чувашей как часть Волго-Уральской музыкальной цивилизации // Чувашская республика на рубеже тысячелетий: История, экономика, культура. Чебоксары, 2000; Его же. Музыкальная культура чувашей // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Чебоксары, 2003. Вып. 5.

³⁶ Альмеева Н. Ю. Обрядовый фольклор в этнокультурном контексте (к вопросу о региональной этномузыкологии) // Музыкальная наука Среднего Поволжья: Итоги и перспективы. Казань, 1999. С. 65.